

КЪ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА

1861—1863 гг.

Я пріѣхалъ на Кавказъ въ концѣ 1861 года, т. е. въ самый разгаръ той войны, которая, три года спустя, рѣшила окончательно участь этой страны. Восточный Кавказъ въ то время былъ уже покоренъ, и бывший вождь его, Шамиль, мирно проживалъ въ Калугѣ. На западномъ—Магометъ-Аминъ, представленный въ ложное положеніе дѣйствіями шансуговъ и абадзеховъ, вынужденъ былъ, при нашемъ содѣйствіи, переселиться въ Стамбулъ. Война шла съ неумолимою, беспощадною суровостью. Мы подвигались впередъ шагъ за шагомъ, но безповоротно и очищая отъ горцевъ, до послѣдняго человѣка, всякую землю, на которую разъ становилась нога солдата. Горскіе аулы были выжигаемы цѣлыми сотнями, едва лишь сходилъ снѣгъ, но прежде, чѣмъ деревья одѣвались зеленью (въ февралѣ и мартѣ); посѣвы вытраивались конями или даже вытаптывались. Населеніе ауловъ, если удавалось захватить его врасплохъ, немедленно было уведимо подъ военнымъ конвоемъ въ ближайшія станицы и оттуда отправляемо къ берегамъ Чернаго моря и далѣе, въ Турцію. Сколько разъ приходилось въ опустѣвшихъ при нашемъ приближеніи хижинахъ заставать на столѣ тѣплую кашу съ воткнутою въ нее ложкою, починавшуюся одежду съ невыдернутою иголкою, какія-нибудь дѣтскія игрушки въ томъ видѣ, какъ онѣ были разложены на полу, около ребенка. Иногда—къ чести, впрочемъ, нашихъ солдатъ, очень рѣдко,—совершались жестокости, доходившія до звѣрства... Жестокости эти были тѣмъ возмутительнѣе, что были совершенно не въ духъ доблестныхъ русскихъ солдатъ—обыкновенно столь добродушныхъ. . . . Таковъ былъ ха-

рагтеръ войны. Цѣлыя племена, какъ бесменеевцевъ, были выселены облагомъ въ теченіе одного—двухъ дней. Аулы баракаевцевъ, абадзеховъ на Фюнфтѣ и Фарсѣ горѣли дня три, наполняя воздухъ гарью верстъ на тридцать, когда, въ февралѣ 1862 г., начались движенія наши для изгнанія этихъ горцевъ.... Понятно, что война, такъ веденная, быстро приводила къ рѣшительнымъ результатамъ. Русскіе жители передовыхъ, едва водворенныхъ станицъ успѣвали уже въ самый годъ поселенія заводить огороды, даже обрабатывать небольшие поля, если только позднее время года не препятствовало тому. Жизнь по станицамъ была шумная, иногда даже искренно веселая. Мирная пѣсня, а то и бурный казачокъ, наигрываемый на балайкѣ, нерѣдко слышались тамъ, гдѣ еще годъ тому назадъ раздавались громъ выстрѣловъ и военные клики.

Переселеніе 1862 года шло чрезвычайно успѣшно. Но я, какъ сказано, пріѣхалъ на Кавказъ еще въ 1861-мъ, а въ этомъ году было два эпизода, доказывавшіе, что даже доблестные, самоотверженные казаки Кубанскаго войска шли не совсѣмъ охотно на передовыя линіи, гдѣ они становились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ не однѣ свои дружины, испытанныя въ бою, а женъ и дѣтей, старцевъ и малолѣтнихъ, то есть все, что дорого мужу, отцу, брату, сыну и проч. Удивляться такой неохотѣ оставлять родину, конечно, нельзя; но вспомнить событія стоитъ уже потому, что каждая страница исторіи Кавказа намъ дорога, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ страницъ неохотно пишутся нашими исторіографами ex-officio. Я пробовалъ, въ свободное отъ службы время, на бивакахъ и въ лагеряхъ, а частью и въ Ставрополѣ, когда удавалось тамъ быть, записывать кое-что изъ видѣннаго и слышаннаго. Въ 1863 году я даже составилъ было общую историческую записку о колонизаціи западнаго Кавказа; но, давъ ее одному, интересовавшемуся дѣломъ, значительному лицу въ Петербургѣ, я не получалъ ея обратно, а требованій къ нему предъявлять не могъ. Остались въ моемъ портфельѣ кое-какіе разрозненные матеріалы бывшей работы. Изъ нихъ-то нѣкоторыя рѣшаются нынѣ обнародовать, чтобы спасти отъ весьма возможнаго и даже вѣроятнаго забвенія. Пусть читатели не взыщутъ за сухость и безсвязность предлагаемаго: это вѣдь сырой матеріалъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, связь видна изъ самыхъ документовъ; для поясненія же сущности дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, достаточно напомнить, что весной 1861 г., при переселеніи за Кубань казаковъ хоперскихъ и черноморскихъ, обнару-

жена была ими нѣкоторая оппозиція, очень легальная по формѣ, но вооруженная, хотя не поведшая за собой пролитія крови. Всѣ участвовавшіе въ агитаціи были безусловно помилованы Государемъ Императоромъ въ томъ же 1861 году, при личномъ посѣщеніи Его Величествомъ западнаго Кавказа, и многіе изъ нихъ потомъ съ честью продолжали служить на конѣ и въ совѣтахъ. По весьма понятной причинѣ я опушу всѣ собственные имена, замѣнивъ ихъ однѣми заглавными буквами.

М. И. Венюковъ.

I.

Выписка изъ отзыва главнокомандующаго Кавказскою арміею военному министру, отъ 2-го апрѣля 1861 г.

..... «Переселеніе казаковъ, особливо Кубанскаго войска, въ большихъ массахъ за Лабу и далѣе, по предгоріямъ обомъ скатовъ Кавказа, можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ. Для полнаго окончанія этого важнаго предпріятія, нужно передвинуть большую массу казачьяго населенія изъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства, начиная переселеніе со станицъ, болѣе удаленныхъ отъ театра дѣйствій или пользующихся наименьшими хозяйственными удобствами.

«Для удовлетворенія этой потребности я призналъ нужнымъ принять на сѣверномъ Кавказѣ различныя системы, приспособленныя къ мѣстнымъ удобствамъ, именно: 1) въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ назначать переселенцевъ поочередно изъ округовъ, начиная съ Ейскаго. Войсковому начальству предоставлено опредѣлять число семействъ къ переселенію изъ каждой станицы, а станичному обществу—назначать самыя семейства по жребію или по общественному приговору. Изъ числа станицъ, отъ которыхъ требуются семейства на переселеніе, исключаются лежащія при морѣ и лианахъ, гдѣ развито рыболовство, и ближайшія къ Кубани, чтобы не обезсилить пограничнаго населенія. 2) Въ шести бригадахъ, поступившихъ изъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, будутъ переселяться цѣлыми станицами первые полки, какъ болѣе удаленные отъ театра дѣйствій. Изъ этого будутъ исключены отставные казаки съ ихъ семействами, въ число коихъ однако же не войдутъ совершеннолѣтніе женатые сыновья. 3) Въ Терскомъ войскѣ переселеніе будетъ дѣлаться на прежнемъ основаніи. Какъ въ этомъ войскѣ не предполагается теперь увеличивать размѣры этого переселенія, то настоящій отзывъ мой касается собственно Кубанскаго войска.

«Переселеніе цѣлыхъ станицъ или наибольшей ихъ части указало необходимость новой мѣры, которая при прежнемъ порядкѣ не имѣла мѣста. Когда изъ станицъ назначалось по нѣскольку семействъ переселенцевъ, эти послѣднія легко могли продавать усадьбы своимъ бывшимъ одностаничникамъ и переходили на новыя мѣста, не оставляя ничего на старыхъ. При переселеніи цѣлыхъ станицъ продажа усадьбъ сдѣлалась невозможною. По существующему положенію, ихъ имѣть право купить только лицо войсковаго сословія, а иногородному могутъ быть проданы строенія на-сломя. Эти строенія—или каменные, или турлучныя: въ обоихъ случаяхъ они теряютъ при сломѣ всю свою цѣнность. Поэтому справедливость требуетъ вознаграждать переселенцевъ, безъ чего даруемое имъ пособіе будетъ недостаточно для устройства на новыхъ мѣстахъ. По самой умѣренной цѣнѣ усадьбъ, въ нынѣшнемъ же году потребуются значительная сумма, которой нельзя отнести на государственное казначейство. Съ другой стороны, казаки, готовясь къ переселенію, прислали мнѣ станичныя приговоры, въ которыхъ убѣдительно просятъ войти въ ихъ положеніе относительно покидаемыхъ усадьбъ.

«Сознавая справедливость просьбы казаковъ, основанной на ихъ опасеніи потерять дома, сады, мельницы, заведенныя многолѣтними трудами, и въ то же время находя необходимымъ по возможности облегчить положеніе казачьихъ семействъ, переселяющихся для общественной пользы, я долженъ былъ искать въ самомъ краѣ средствъ для удовлетворенія этой новой потребности. Предлагаемая мною мѣра потребуетъ измѣненія нѣкоторыхъ постановленій, общихъ всѣмъ казачьимъ войскамъ; но эти измѣненія согласны съ требованіями нашего времени и государственною пользою.

«Двѣ части, изъ которыхъ составилось нынѣшнее Кубанское казачье войско, до сихъ поръ весьма различны между собою и имѣютъ только то общее, что благосостояніе казаковъ, при всѣхъ богатствахъ края, не развивается. На это есть очень много причинъ и между ними главныя: замкнутость казачьяго сословія и пользованіе землею всѣмъ войскомъ, безъ права приобрѣтать часть оной въ собственность. Онѣ отнимаютъ у казака естественное стремленіе къ улучшенію своего быта, къ настойчивому труду для своего потомства, мѣшаютъ гражданскому развитію края, наконецъ, дѣлаютъ то, что казачье войско имѣетъ видъ населенія неосѣдлаго и составляетъ рѣзкую аномалію между другими сословіями. Но замкнутость казачьяго сословія имѣетъ другую, болѣе важную сторону: она развиваетъ духъ отдѣльности въ государствѣ. Въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, состоящемъ изъ малороссіянъ и хранящемъ преданія Запорожской Сѣчи, эта отдѣльность принимаетъ видъ національности ¹⁾ и вы-

¹⁾ Какъ вѣрно оцѣнили черноморцы опасность утратить эту «отдѣльность, близкую къ національности» при переселеніи за Кубань по плану кавказскихъ начальствъ, видно ниже.

ражается нерасположеніемъ къ иногородцамъ, которыхъ казаки недружелюбно называютъ москалями. Сліяніе бывшаго Черноморскаго войска съ Кавказскимъ можетъ дѣйствовать противъ этого, особенно вреднаго въ настоящее время, начала; но необходимо, чтобы сліяніе это было не только административное, а проникло въ самый бытъ казановъ.

«Учрежденіе казачества на границѣ имперіи есть, конечно, государственная необходимость; но она должна быть терпима не какъ нормальное положеніе, а только въ мѣрѣ потребности и на то время, которое эта исключительная потребность будетъ существовать.

«Кубанское войско имѣетъ свое дворянство, сравненное въ правахъ съ дворянствомъ имперіи. Но главными изъ этихъ правъ оно не можетъ пользоваться, и потому здѣсь буква расходится со смысломъ закона. Дворянинъ Кубанскаго войска обязанъ служить 25 лѣтъ; онъ не можетъ выбирать мѣста и рода службы по своимъ наклонностямъ и способностямъ, а долженъ служить въ войскѣ; онъ обязанъ съ потомствомъ оставаться въ тѣсномъ кругу своего войска; онъ не имѣетъ права приобрѣтать въ собственность землю, на которой трудится съ сознаніемъ, что послѣ его смерти эта земля достанется въ чужія руки, и что онъ ничего не можетъ сдѣлать прочнаго для своего потомства.

«Отъ этого дворяне Кубанскаго войска занимаются въ хозяйствѣ болѣе скотоводствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ, и во всемъ краѣ нельзя найти ни одного порядочнаго дома или усадьбы изъ прочныхъ матеріаловъ. Все сдѣлано изъ турлука или землянаго кирпича, все носить на себѣ печать равнодушія и неувѣренности въ будущемъ; однимъ словомъ: казачьи войска ближе подходятъ къ эпохѣ первобытнаго человѣчества, чѣмъ къ условіямъ нынѣшняго быта благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ.

«Пользованіе землею всѣмъ войскомъ и замкнутость казачьяго сословія произвели то, что промышленность въ этомъ краѣ не существуетъ, а торговля, или, лучше сказать, мелочное торгашество, находится въ рукахъ нѣсколькихъ армянъ безъ капитала и безъ кредита ¹⁾. Въ этомъ богатомъ и обшир-

¹⁾ Отсутствіе капиталовъ въ Черноморіи особенно ясно видно изъ отсутствія въ цѣломъ краѣ порядочныхъ дорогъ и строеній, не исключая даже гор. Екатеринодара. Еще въ 1863 году послѣдній не имѣлъ мощеныхъ улицъ, вслѣдствіе чего грязь послѣ дождей бывала невылазная. Почтовая станція находилась за городомъ, и содержатель ея не былъ обязанъ ввозить проѣзжающихъ въ городъ. Дамы, собиравшіяся куда-нибудь на вечеръ, должны бывали въ бальныхъ нарядахъ садиться въ кареты часовъ съ 4-хъ по полудни и вѣхать по нѣскольку часовъ сряду на волахъ, которые погрязали по брюхо; мужьяны ѣздили верхами. Напротивъ, послѣ пяти—шести дней жары, густая пыль носилась въ воздухѣ, скрывая отъ обитателей одной стороны улицы дома, стоящіе на другой. Экономическая неразвитость Екатеринодара въ 1860-хъ годахъ видна еще и

номъ край, на разстояніи 600 верстъ, находится одинъ только войсковой городъ, Екатеринодаръ, гдѣ многородные торговцы и промышленники имѣютъ право жить временно, не утруждая на войсковой землѣ никакой недвижной собственности. Въ этой печальной картинѣ нельзя не прибавить самую рѣзкую черту неразвитости края во всѣхъ отношеніяхъ. Черноморія вся состоитъ изъ богатѣйшаго чернозема; засухи тамъ почти неизвѣстны, но и при такихъ неисчерпаемыхъ богатствахъ почвы Черноморія даже въ урожайные годы не производитъ столько хлѣба, сколько его нужно для народнаго продовольствія ¹⁾.

«Въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, подъ влияніемъ особеннаго положенія объ отбываніи полевой службы, войсковое дворянство умножилось до такой степени, что сдѣлалось тягостію для края. Такимъ образомъ достигнута цѣль совершенно противоположная той, которой должно было ожидать отъ сословія, по образованію, богатству и общественному уваженію назначеннаго идти впереди народа къ преуспѣванію. Замкнутость казачьяго сословія и недостатокъ на мѣстѣ средствъ къ образованію сдѣлали то, что войсковые дворяне очень мало отличаются отъ простыхъ казаковъ. Если нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе обширное хозяйство, то болѣею частію оно содержится при стѣсненіи простыхъ казаковъ въ пользованіи общемою землею ²⁾. Отъ этого въ народѣ всегда поддерживается чувство нерасположенія къ дворянамъ.

«Все вышесказанное вполне объясняетъ тотъ фактъ, что Черноморское войско менѣе развито и бѣднѣе Кавказскаго, имѣющаго вообще гораздо менѣе дворянъ и никогда не отчуждавшася такъ отъ многогородныхъ. Эта неодинаковость можетъ сгладиться при составленіи новаго положенія для Кубанскаго войска; но улучшеніе будетъ незначительно, если не измѣнятся основныя постановленія, задерживающія развитіе казачьихъ сословій. Въ этихъ видахъ я полагаю бы:

«1. Предоставить потомственнымъ дворянамъ Кубанскаго войска право оставлять по желанію казачье сословіе съ своимъ непосредственнымъ семействомъ.

изъ того, что на три мѣстныхъ ярмарки, по свидѣтельству атаманскаго отчета за 1862 г., привозилось товаровъ на 3.450,000 руб., а продавалось всего на 760,000 руб. — Не знаю, на сколько эти обстоятельства измѣнились теперь.

¹⁾ По отчету войскаго атамана за 1862 г., «Средній урожай хлѣбовъ по Кубанской области былъ по 1½ четверти на душу, чего, за отчисленіемъ сѣмянъ, было достаточно для народнаго продовольствія только потому, что масса взрослыхъ мушанъ, состоявшихъ на службѣ, получала довольствіе отъ казны». — Нынѣ, по умнротвореніи Кавказа, эти условія измѣнились, и, по отчету за 1870 годъ въ Кубанскомъ войскѣ собирается на душу по 3 четверти.

²⁾ Объ этомъ см. нѣкоторыя подробности ниже, въ запискѣ полковника З*,

М. В.

«2. Предоставить войсковому начальству ходатайствовать о назначеніи въ строевыя части войска офицеровъ регулярныхъ войскъ, безъ причисленія въ казачье сословіе, но не иначе, какъ на вакансіи.

«3. Предоставить потомственнымъ войсковымъ дворянамъ покупать участки войсковой земли въ потомственное владѣніе.

«4. Деньги, вырученныя за продажу земли, обращать въ войсковой капиталъ¹⁾.

«5. Для продажи назначить войсковыя земли, прилегающія къ гражданскому населенію, какъ, напримѣръ, сѣверную часть Эйскаго округа, или находящіяся между гражданскими землями, какъ районы полковъ 1-го Хоперскаго и 1-го Ставропольскаго.

«6. Право покупки земли въ этихъ участкахъ предоставить лицамъ всѣхъ другихъ сословій съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ увеличенія въ этихъ районахъ посторонняго населенія, передавать ихъ въ гражданское вѣдомство, сохраняя войску право на непроданныя земли.

«7. Изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи земель, удовлетворять казачьихъ, переселяемыхъ на передовыя линіи, за усадьбы по справедливой оцѣнкѣ, если они не найдутъ для себя выгоднѣйшимъ сами продать эти усадьбы въ теченіе трехлѣтняго срока.

«Принятіе всѣхъ этихъ мѣръ въ совокупности будетъ имѣть благотѣльные послѣдствія и отстранить всѣ затрудненія, неизбежно встрѣчающіяся при исполненіи такого важнаго предпріятія, какъ передвиженіе огромной массы казачьяго сословія и водвореніе его въ край, обладаніе которымъ при всякомъ другомъ положеніи было бы ненадежно.

«Районы 1-го Ставропольскаго полка, въ которомъ находится губернскій городъ Ставрополь, 1-го Хоперскаго, прилегающаго къ окрестностямъ минеральныхъ водъ, и сѣверная полоса Эйскаго округа, смежная съ Екатеринославскою губерніею, составляютъ пространство превосходной земли, которой продажа не только покроетъ расходы на удовлетвореніе за усадьбы переселенцевъ, но и дастъ возможность покрыть нѣкоторые расходы по переселенію, падающіе нынѣ на государственное казначейство.

¹⁾ Это стремленіе увеличивать войсковыя капиталы замѣтно съ давняго времени у нашей казачьей администраціи, не принадлежащей къ казачьему сословію, такъ какъ этими капиталами она же и распоряжается, по своему усмотрѣнію. У Черноморскаго войска, въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, было уже капитала болѣе 2.000,000 рублей. Изъ нихъ, мало знакомая съ состояніемъ и нуждами края, администрація дала, чуть-ли не въ томъ же 1861 г., полмилліона рублей одному афферисту на заведеніе кубанскаго пароходства, при чемъ еще обязалась предъ этимъ афферистомъ расчистить устья Кубаня отъ мелей, а русло отъ наноснаго лѣса, т. е. задалась сизифовой работой. Полмилліона войсковыхъ суммъ, конечно, пропали даромъ, такъ какъ обезпечены они были акціями едва-ли не миссисипской компаніи.

«Сверхъ этой денежной выгоды не замедлить оказаться и другая: на казачьихъ земляхъ, сдѣлавшихся частною собственностью, явится трудолюбивое гражданское населеніе и оживить край, въ настоящее время мало производительный. Самое же казачье войско займетъ мѣсто, гдѣ оно только необходимо—на границѣ имперіи и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ горами.

«Имѣя въ виду, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, при окончательномъ умиротвореніи Кавказа, казачье сословіе потребуется за нынѣшними южными предѣлами имперіи,—предлагаемая мною въ настоящее время продажа остающихся позади земель въ гражданское вѣдомство можетъ быть распространяема по мѣрѣ надобности и всегда дастъ средства удовлетворить этой важной государственной потребности безъ отягощенія казны большими расходами. Если численность казачьяго населенія на Кавказѣ окажется наконецъ слишкомъ великою, то можно будетъ дозволить казакамъ, беспорочно выслужившимъ свой терминъ, покупать участки войсковой земли и оставлять казачье сословіе съ непосредственнымъ ихъ семействомъ. Эта мѣра будетъ въ высшей степени популярна между казаками и послужитъ въ одно время поощреніемъ ихъ трудной службы и могущественнымъ побужденіемъ къ развитію своего хозяйственного благосостоянія.

«Съ другой стороны, войсковые офицеры примутъ съ глубочайшей признательностію, какъ высокую милость, дозволеніе потомственнымъ дворянамъ оставлять казачье сословіе и покупать въ войскѣ земли. Поставленные нынѣ въ необходимость искать популярности между казаками выказываніемъ духа оппозиціи подѣ предлогомъ національности и историческихъ воспоминаній, офицеры бывшаго Черноморскаго войска въ виду преимуществъ, даруемыхъ потомственному дворянству, сдѣлаются, для своихъ выгодъ, горячими поборниками всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ. Въ настоящее время, можно сказать, нѣтъ въ казачьихъ войскахъ потомственного дворянства; офицеры, какаго-бы они ни были происхожденія, имѣютъ одинаковыя права. Потомственное дворянство пріобрѣтается службою, и, при обиліи здѣсь случаевъ къ отличіямъ военнымъ, преимуществамъ, соединяемыхъ съ потомственнымъ дворянствомъ, сдѣлаются важнымъ побужденіемъ для служащихъ искать этихъ отличій для своихъ выгодъ и, особенно, чтобы устроить судьбу своего потомства.

«Дарованіе этого преимущества войсковому дворянству не составитъ какаго-либо новаго сословнаго права, а только осуществитъ дѣйствительное уравненіе войскаго дворянства съ тѣмъ-же сословіемъ въ имперіи.

«Выбытіе изъ войска нѣкоторыхъ потомственныхъ дворян не повлечетъ за собою недостатка офицеровъ для службы казачьей, а если бы оказались вакансіи, ихъ можно занимать офицерами регулярныхъ войскъ. При строгомъ выборѣ этихъ офицеровъ, они будутъ особенно полезны для

уменьшения невыгодъ замкнутости, въ которой казацки войска всегда остаются до нѣкоторой степени; сверхъ того, эти офицеры будутъ содѣйствовать полному слиянію двухъ разнородныхъ частей, изъ которыхъ составилось нынѣшнее Кубанское войско».

Далѣе князь Барятинскій увѣдомляетъ о нѣкоторыхъ принятыхъ имъ административныхъ мѣрахъ по колонизаціи 1861 г., и проситъ Высочайшаго утвержденія его соображеній.

II.

Отвѣтъ военнаго министра, отправленный, за отъѣздомъ князя Барятинскаго съ Кавказа, къ князю Орбелиани, 19-го мая 1861 г.

«Главнѣйшій командующій Кавказскою арміею, въ видахъ окончательнаго завершенія западнаго Кавказа и упроченія нашего въ томъ краѣ, признавъ необходимымъ заселить казаками Кубанскаго войска обширнаго Кавказскаго хребта, передвинувъ туда казацкае население изъ нынѣшнихъ мѣстъ жительства, начиная со станицъ, удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій и пользующихся наименьшими хозяйственными удобствами; и, вслѣдствіе того, сдѣлавъ начальное распоряженіе, дабы переселить въ настоящемъ году за Кубань 770 казацкихъ семействъ изъ Ейскаго округа, Хоперскій полкъ, за исключеніемъ только одной станицы, Калиновской, и одну станицу 1-го Ставропольскаго полка, Спичевскую,—отъ 2-го апрѣля сего года представилъ какъ объ этомъ, такъ и о другихъ предположеніяхъ своихъ, относящихся къ этому предмету, на Высочайшее утвержденіе.

«По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Государю Императору, Его Величество изволилъ найти, что предположенное генералъ-фельдмаршаломъ заселеніе казаками западнаго Кавказа для упроченія тамъ нашего владычества обѣщаетъ въ общихъ государственныхъ видахъ несомнѣнно-успѣшные результаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе этой важной мѣры переводомъ за Кубань цѣлыхъ станицъ представляетъ также и важныя неудобства, потому что переселеніе цѣлыми станицами для казаковъ можетъ быть крайне затруднительно, лишая ихъ возможности продать съ выгодой оставляемыя постройки и хозяйственныя заведенія, чего, конечно, не могло бы случиться при переселеніи станицъ частями, когда на приобретеніе оставленныхъ обзаведеній находились бы на мѣстѣ покупщики. При этомъ неудобствѣ, требованіе отъ казаковъ оставить родину и переселиться на мѣста малоизвѣстныхъ, невоздѣланныхъ, лицомъ къ лицу съ хищнымъ и жесточеннымъ непріателемъ, не могло не произвести на нихъ того непріятнаго впечатлѣнія и сѣтованія на принятую главнѣйшимъ командующимъ мѣру, которыя обозначились въ пред-

ставленныхъ ему общественныхъ приговорахъ двухъ станицъ ¹⁾, изъ коихъ предназначено выселить въ настоящемъ году большую половину жителей.

«Имѣя это въ виду и признавая совершенно необходимымъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ со всею осмотрительностью, такъ какъ въ настоящее время всякое неосторожное дѣйствіе можетъ вызвать цѣлый рядъ волненій и беспорядковъ—чему былъ уже примѣръ по переселеніи въ 1792—1794 годахъ трехъ т. семействъ изъ войска Донскаго на Кавказскую линію,—Его Величество находитъ болѣе умѣстнымъ проавести переселеніе казаковъ за Кубань на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

а) Объявить Кубанскому войску особымъ Высочайшимъ рескриптомъ, что, въ награду за постоянно доблестное служеніе онаго престолу и отечеству и за охраненіе имъ въ теченіе 70-ти лѣтъ дарованныхъ ему земель, предоставляются въ пользованіе войска освобождаемыя отъ горскихъ племенъ, въ предгорьяхъ западнаго Кавказа, новыя, богатая дарами природы, земли, которыя и имѣютъ быть постепенно заселены казаками Кубанскаго войска.

б) Заселеніе это производить, въ ежегодно потребномъ числѣ семействъ, преимущественно изъ охотниковъ; недостающее же затѣмъ число семействъ распредѣлить, по ближайшему усмотрѣнію главнокомандующаго Кавказскою арміею, на всѣ (удаленныя, впрочемъ, отъ Кубанской линіи) станицы войска.

(Эту, существующую уже въ войскѣ Донскомъ мѣру желаютъ сами кубанскіе казаки, какъ видно изъ общественныхъ приговоровъ двухъ станицъ).

в) Предоставить станичнымъ обществамъ назначить подлежащія переселенію семейства по жребію или по общественнымъ приговорамъ, не подвергая впрочемъ переселенію отставныхъ казаковъ безъ ихъ собственнаго на то согласія.

г) Переселяющимся за Кубань семействамъ, кромѣ тѣхъ пособій отъ казны и тѣхъ льготъ, которыя доселѣ были опредѣлены для переселенцевъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, впредь назначать еще изъ войсковыхъ суммъ: 1) вознагражденіе за усадьбы по оцѣнкѣ; 2) дополнительное пособіе 75—85 руб. с. изъ войсковыхъ или станичныхъ суммъ, и 3) кормовыя деньги во время пути.

«Обращаясь затѣмъ къ прочимъ предположеніямъ генералъ-фельдмаршала, кои вызваны послѣдствіями нынѣшняго замкнутаго положенія Кубанскаго войска и существующаго во всѣхъ казачьихъ войскахъ общиннаго способа владѣнія землями, Его Величество и съ своей стороны раздѣляетъ убѣж-

¹⁾ Суда по этому мѣсту отзыва военнаго министра, должно думать, что въ то время, т. е. 19-го мая 1861 г., еще ничего не было извѣстно въ Петербургѣ о беспорядкахъ между казаками, бывшихъ 5-го мая. Должно замѣтить, что въ то время уже существовали телеграфныя линіи не только въ Россіи, но и на Кавказѣ, но по какой-то, трудно-понятной причинѣ, де отъѣзда князя Барятинскаго изъ Тифлиса не успѣли соединить этотъ городъ со столицею. М. В.

деніе, что неблагопріятное вліяніе этого положенія на благосостояніе казачьяго быта въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, по исключительному характеру народонаселенія онаго, замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ войскахъ и что постепенное допущеніе въ это войско стороннихъ элементовъ, сблизивъ казаковъ съ новыми людьми и свѣжии взглядами, дѣйствительно можетъ оживить нравственныя и матеріальныя силы Черноморскаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, давъ средства къ возвышенію народнаго образованія, водворить въ немъ торговлю и промышленность. Разрѣшеніе же казакамъ пріобрѣтать въ вѣчную собственность войсковую землю можетъ породить въ нихъ естественное стремленіе къ настойчивому труду, сколько для личныхъ выгодъ, столько и для благосостоянія своего потомства. Но, съ другой стороны, Его Величеству представляются и опасенія, что дозволеніе потомственнымъ дворянамъ Кубанскаго войска исключаться изъ казачьяго сословія можетъ послужить новодомъ и для дворянъ другихъ казачьихъ войскъ домогаться тѣхъ же правъ, чего никакъ нельзя допустить, ибо тогда легко дойдемъ мы или до крайняго недостатка въ казачьихъ войскахъ собственныхъ офицеровъ (стоящихъ для казны весьма дешево сравнительно съ регулярными), или въ казачьихъ войскахъ будутъ оставаться только бѣдные офицеры, а всѣ богатые уйдутъ изъ оныхъ. Но собственно изъ уваженія къ предстоящимъ для Кубанскаго войска, по видамъ государственнымъ (отнюдь не могущимъ идти въ примѣръ для прочихъ казаковъ), особеннымъ обстоятельствамъ, Его Величество изволитъ предполагать:

а) Предоставить потомственнымъ дворянамъ, а также отставнымъ казакамъ Кубанскаго войска, право покупать въ полную частную собственность свободные участки земли войсковой, въ назначенныхъ для сего районахъ и по устанавливаемой ежегодно оцѣнкѣ, съ дозволеніемъ при томъ исключаться изъ войскового сословія и селиться на купленныхъ земляхъ.

б) Право на пріобрѣтеніе участковъ войсковой земли въ частную собственность предоставлять также людямъ стороннихъ для войска званій.

в) Разрѣшить лицамъ невойскового сословія селиться и пріобрѣтать въ собственность дома, сады, заводы и пр. въ Екатеринодарѣ и другихъ мѣстахъ, по усмотрѣнію войскового начальства, но безъ права пользованія поземельными надѣлами, кромѣ выгоновъ для скота, и съ платою за усадебную землю въ войско.

г) Разрѣшить, за недостаткомъ своихъ, принимать на вакансіи офицеровъ регулярныхъ.

д) Въ предупрежденіе же недостатка войсковыхъ офицеровъ, позволять выписываться изъ войска только тѣмъ, кто, прослуживъ 22 года, купитъ не менѣе 200 десятинъ войсковой земли.

е) Во вниманіе къ поголовности выселенія 1-го Хоперскаго и 1-го Ставропольскаго полковъ, коихъ районы являть печальную картину запустѣнія,

предоставить министерству государственнымъ имуществомъ воспользоваться этими землями для водворенія гражданскихъ переселенцевъ.

«Кромѣ того, для вѣщаго развитія среди казаковъ собственной охоты и къ предполагаемому переселенію и во вниманіе къ государственной важности достиженія полного и скорого успѣха въ этомъ дѣлѣ, Его Императорское Величество изволилъ предполагать объявить казакамъ Кубанскаго войска, что каждое переселившееся добровольно за Кубань офицерское и казачье семейство, какъ составившееся изъ себя первыхъ основателей русскихъ поселеній на предгорьяхъ западнаго Кавказа, получить отъ монаршихъ щедротъ въ вѣчную и потомственную собственность, смежно съ предназначенными для станичныхъ юртовыхъ надѣловъ землями, опредѣленный участокъ, въ размѣрѣ, смотря по удобствамъ мѣстности, до 20 десятинъ на семейство».

Въ заключеніе предлагается главному начальству Кавказской арміи составить общій планъ переселенія на основаніи указанныхъ началъ.

III.

Выписки изъ объяснительной записки по вопросу о переселеніи на передовыя линіи.

«Въ исходѣ XVIII столѣтія, когда правительство обратило серьезное вниманіе на постепенное покореніе Кавказа, въ числѣ важныхъ мѣръ, къ тому способствовавшихъ, было предпринято значительное переселеніе на кавказскую линію «казачьихъ войскъ и полковъ». Такъ, въ 1777 году переселенъ Хоперскій казачій полкъ съ р. Хопра къ Ставрополю и его окрестностямъ; вслѣдъ затѣмъ съ Волги перешли волгскіе казаки къ Александрову, кр. Павловской, Екатеринограду и Моздоку. Другое казачье войско съ Волги было одновременно переселено на Аграхань и получило названіе Аграханскаго. Это войско въ послѣдствіи цѣликомъ было передвинуто на рѣку Терекъ и названо Моздокскимъ полкомъ. Въ 1792 году точно также поселено въ Черноморіи тамошнее казачье войско. Въ 1797 году съ Дона былъ переселенъ на Кубань нынѣшній 2-й Кубанскій казачій полкъ; въ началѣ нынѣшняго вѣка образовался 2-й Кавказскій казачій полкъ изъ Слободно-украинскихъ казаковъ. Наконецъ, въ 1826 и 1827 годахъ, Хоперскій и Волгскій полки были переселены—первый на верховья рѣкъ Кубани и Кумы, а второй на верховья Подкумка и Малки, въ окрестности Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Этимъ кончился долгій рядъ переселеній казаковъ цѣлыми казачьими обществами, въ полковомъ своемъ составѣ.

«Съ 1840 года, когда рѣшено было занять Лабинскую линію, возникла новая система переселенія казаковъ по жребію изъ всѣхъ ближайшихъ къ

этой линіи казачьихъ полковъ, какъ наиболѣе многолюдныхъ народонаселеніемъ, которымъ они еще были усилены въ значительной степени чрезъ обращеніе въ казачье сословіе 36-ти селеній гражданского вѣдомства нынѣшней Ставропольской губерніи. Эта жеребьевая система была пригнѣвана потому при всѣхъ постепенныхъ заселеніяхъ передовыхъ нашихъ линій до 1860 года включительно, безъ всякой перемѣны. Казаки назначаемы были на переселеніе по жребію и къ нимъ добавлялись: часть переселенцевъ съ Дона, изъ внутреннихъ губерній, преимущественно изъ Малороссіи, и женатыя нижніе чины изъ кавказскихъ регулярныхъ войскъ»...

Сравнивая жеребьевую систему съ порядкомъ выселенія цѣлыми станицами, авторъ находитъ:

«1) Съ возведеніемъ новыхъ станицъ на передовыхъ линіяхъ (при жеребьевой системѣ) предѣлы Кубанскаго войска расширятся и могутъ дойти до такихъ размѣровъ, которые не соответствуютъ видамъ правительства и потребностямъ войны на Кавказѣ. Казачье населеніе по своему устройству чуждо тому развитію, которымъ такъ легко можетъ воспользоваться гражданское населеніе.

«2) Жеребьевая система держитъ все казачье населеніе въ страхѣ ежегоднаго переселенія и не позволяетъ никому изъ казаковъ заняться прочнымъ устройствомъ своего хозяйства, изъ боязни не сегодня—завтра переселиться на передовую линію.

«3) Ежегодно внутренніе полки Кубанскаго войска отбываютъ службу все далѣе и далѣе отъ своихъ станицъ и вводятъ казну и войско въ излишнія издержки на выдачу имъ усиленнаго содержанія по нахожденію на вѣдѣній службѣ, такъ какъ имъ уже не предстоитъ службы на кордонѣ вблизи своихъ станицъ, при чемъ они получаютъ обыкновенное содержаніе, несравненно менѣе усиленнаго.

«4) Съ каждымъ годомъ отъ жеребьевой системы уменьшается населеніе бригадъ линейнаго войска, между тѣмъ какъ эти бригады обязаны были до сихъ поръ выставлять по прежнему одинаковое число строевыхъ частей на службу; слѣдовательно, нѣтъ возможности предоставлять казакамъ льготнаго времени, опредѣленнаго положеніемъ, для поддержанія ихъ быта.

«5) Самое важное, что жеребьевая система, заключая въ себѣ условія медленности заселенія непріятельскаго края, откладываетъ окончаніе войны на Кавказѣ на неопредѣленное время и заставляетъ правительство нести значительные расходы на содержаніе регулярныхъ войскъ въ краѣ на многіе годы.

«Напротивъ, выселеніе цѣлыми станицами:

«1) Даетъ возможность окончить войну въ весьма короткій срокъ.

«2) Ограничиваетъ размѣры казачьяго населенія, которое остается въ томъ же числѣ, какъ теперь: ибо, съ занятіемъ непріятельскихъ земель,

земли, принадлежавшія переселеннымъ полкамъ, могутъ поступить въ гражданское вѣдомство.

«3) Падаетъ на извѣстную часть казаковъ, давая возможность остальнымъ свободно заниматься развитіемъ хозяйства, безъ боязни въ будущемъ бросить свою осѣдность.

«Но всѣ эти преимущества переселенія цѣлыми станицами падаютъ передъ двумя важными неудобствами:

«1) Назначаемые къ нему казаки внутреннихъ станицъ, вдали отъ военныхъ тревогъ, значительно развили свое хозяйство и до того сроднились съ мѣстомъ жительства, что выселеніе оттуда естественно должно представляться имъ въ видѣ наказанія, ничѣмъ не заслуженнаго. Они и предки ихъ, въ трудное время, жили надеждами хотя нѣкогда достигнуть покоя; и вдругъ, когда этотъ покой, какъ награда за долгия лишенія, труды и потери, началъ достигаться, — ихъ выселяютъ, оставляя въ то же время прочихъ казаковъ на мѣстѣ.

«2) Переселенцы не имѣютъ возможности нажитыхъ ими угодьевъ продать за сколько нибудь сносную цѣну, а иногда должны просто бросать ихъ даромъ, чрезъ что несутъ еще раззорительную потерю».

IV.

Изъ записки о волненіяхъ хоперскихъ казаковъ въ 1861 году.

Волненія хоперцовъ выразились сначала сильнымъ неудовольствіемъ на командира полка, подполковника А — на, который не желалъ поддержать ихъ, а, напротивъ, заявлялъ передъ начальствомъ, что «они будутъ очень рады выселиться изъ мѣстъ безводныхъ и пр. за Кубань всѣмъ полкомъ». Онъ это сдѣлалъ столько же изъ желанія подслужиться къ начальству, сколько и въ надеждѣ, что съ выселеніемъ на передовую линію онъ станетъ командиромъ отдѣльнаго полка, получающаго высокое фуражное (про?)довольствіе ¹⁾. Недовольные имъ казаки припомнили при этомъ и другія многочисленныя его злоупотребленія. Они при томъ надѣялись, что ходатайство цѣлаго ихъ міра объ отиѣнѣ переселенія станицами будетъ уважено; но А — нъ не только отказался передать ихъ просьбу, а еще обругалъ ихъ и сказалъ, что «небольшая бѣда, если они и сожгутъ оставленныя ими усадьбы, что для усмиренія ихъ приведутъ баталіоны съ пушками и пр.».

Когда нежеланіе хоперцевъ идти на переселеніе стало извѣстнымъ, къ нимъ пріѣхалъ начальникъ штаба Кубанскаго войска, генералъ-маіоръ Бу-

¹⁾ Не безъ сожалѣнія я долженъ сказать, что послѣдній расчетъ былъ нечуждъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, начальствовавшимъ на передовыхъ, вновь заселяемыхъ линіяхъ. На моихъ глазахъ, казакамъ на этихъ линіяхъ выдавали овесъ, считая въ четверти не 8 четвериковъ, а только 6, и т. п. М. В.

саковъ и смѣнилъ А—на, разрѣшивъ въ то же время казакамъ отправить депутацію въ Ставрополь. Эта депутація хлопотала о безбидномъ вознагражденіи за усадьбы отъ казны и о дозволеніи просить князя Барятинскаго въ Тифлисѣ отгнѣнть поголовное выселеніе.

Отправившіеся въ Тифлисѣ депутаты получили отказъ. Тогда казаки сговорились вовсе не идти на переселеніе, а нѣкоторые даже присягнули на томъ ¹⁾). Руководителями движенія были подполковникъ Б—въ, есаулы Ж—въ и Д—въ. По мысли перваго, казаки написали просьбу на Высочайшее имя и послали ее секретно съ тремя казаками въ Петербургъ. Просьба принята не была, а писавшій ее хорунжій Ч—въ потомъ, изъ опасенія уголовной отвѣтственности, зарѣзался.

5-го мая 1861 года, долженъ былъ выступить на переселеніе передовой эшелонъ—казаки станицы Сергіевской. При нихъ, подъ прикрытіемъ сводной сотни, назначено было слѣдовать полковому знамени. Узнавъ объ этомъ, весь полкъ собрался въ станицу Александровскую и знамени не далъ. Казаки говорили при томъ, что если ужъ имъ нужно переселяться всѣмъ, то пусть покажутъ царскій указъ. Находившіеся на мѣстѣ полковникъ Ал—нъ и подполковникъ Н—нъ не умѣли утишить волненіе, прятались за войска (резервный баталіонъ Крымскаго полка), а начальникъ этихъ войскъ, подполковникъ Р—въ, имѣлъ неосторожность отдать солдатамъ приказаніе зарядить ружья на улицѣ.

По полученіи объ этихъ событіяхъ извѣстія въ Ставрополѣ, гдѣ въ то время не было графа Евдокимова, начальникъ штаба его, генералъ-майоръ З—въ, немедленно направилъ въ Александровку 6-й линейный баталіонъ, Кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ и два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка. Такимъ образомъ, противу людей, готовившихся безропотно бросить родныя пенелыща «лишь бы имъ былъ показанъ царскій указъ», направлена была цѣлая экспедиція.

Однако, до употребленія оружія не дошло. Нынѣшній помощникъ Главнокомандующаго Кавказскою арміей, князь Д. И. Святополкъ-Мирскій, бывшій тогда помощникомъ графа Евдокимова и находившійся предъ тѣмъ въ отпуску, едва прибылъ изъ послѣдняго, немедленно поѣхалъ изъ Ставрополя и, не дожидаясь графа Евдокимова, распустилъ войска, а казакамъ объявилъ, что въ этомъ году переселенія не будетъ, до особаго Высочайшаго повелѣнія.

Тогда все успокоилось.

Но тифлисскія начальства все еще не хотѣли уступить, тѣмъ болѣе, что не имѣли необходимаго авторитета, такъ какъ намѣстникъ, князь Барятинскій,

¹⁾ Приводившіе къ присягѣ два священника были потомъ единственными лицами, пострадавшими отъ волненія.

въ это время, по болѣзни, уѣхалъ съ Кавказа въ отпускъ. Заступившій временно его мѣсто князь Г. Д. Орбелиани еще 12-го мая просилъ графа Евдокимова «употребить всю закономъ предоставленную ему власть, чтобы воля генералъ-фельдмаршала была непрекословно и немедленно исполнена».

По счастью, 24-го мая послѣдовало обнародованіе Высочайшей воли, которое въ самомъ зародышѣ уничтожило волненіе, такъ что въ слѣдующемъ, 1862 году, множество хоперцевъ, добровольно и по жребію, переселились за Кубань. Любопытно, что, готовясь отражать силу силою и устроивъ около Александровской станицы правильную аважностную цѣпь противу окружавшихъ регулярныхъ войскъ, казаки нисколько не задерживали проѣзжающихъ офицеровъ, которые, по подорожнымъ, спокойно получали лошадей до слѣдующихъ станицъ. Также и парламентары изъ противнаго лагеря принимались ими съ почетомъ, слѣдовавшимъ по чину каждого, хотя и съ принятіемъ нѣкоторыхъ военныхъ предосторожностей!

У.

Изъ дѣла о волненіяхъ 1861 года въ Черноморіи.

Черноморцы до 1861 года не знали иныхъ переселеній, какъ по охотѣ или по приговору обществъ. Внезапное усиленное переселеніе и извѣстіе, что часть ихъ земель будетъ продаваться лицамъ невоинского сословія, вызвали ихъ волненія.

Для убѣжденія ихъ покориться волѣ начальства, уполномоченъ былъ ихъ же войска генералъ-маіоръ К—ко ¹⁾. Онъ успѣлъ убѣдить депутатовъ Ейскаго округа, что переселеніе за Кубань для нихъ же выгодно, потому что, вмѣсто 16-ти десятинъ земли, которыя имѣли казаки въ этомъ округѣ, на каждого изъ нихъ будетъ приходиться за Кубанью по 30-ти десятинъ; да и почва тамъ превосходная, не степная, хорошо орошенная и съ лѣсами.

Но передъ депутатами Таманскаго и Екатеринодарскаго округовъ онъ не имѣлъ успѣха. Одинъ изъ нихъ, войсковой старшина К—скій, обращаясь къ собранію прочихъ, сказалъ такую рѣчь: «Посмотрите, вонъ у меня нѣтъ на головѣ волосъ; я ихъ потерялъ на службѣ, а потому выслушайте меня, и я вамъ вотъ что скажу. Когда въ прудѣ прибудетъ много воды и она надавитъ на плотину, то явится дырочка и вода станетъ сочиться. Сначала она сочится, а потомъ и забултитъ и, наконецъ, прорветъ плотину, все вытечетъ. Такъ будетъ и съ вами. Теперь берутъ изъ васъ на переселе-

¹⁾ Онъ потомъ былъ захваченъ горцами вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, гвардіи поручикомъ Югансономъ, во время переѣзда по линіи, и умеръ въ плѣну прежде полученія затребованнаго горцами выкупа.

не немного (770 семей), на будущій годъ возьмутъ больше, а тамъ и усѣхъ васъ поженутъ къ бисову батьковн за Кубань». — Черноморцы прямо говорили на этой сходкѣ, что К—ко «продалъ ихъ въ Ставрополѣ»; К—скій же, на третій день послѣ этого, при совѣщаніи съ графомъ Евдокимовымъ (тогдашнимъ атаманомъ Кубанскаго войска), прямо спросилъ его: «хоба вы, ваше сіятельство, хотите завоевать Закубанье нашими жинками та дѣтьми?»

Графъ Евдокимовъ прибылъ въ Екатеринодаръ на другой день послѣ сходки, на которой говорилось о бисовѣ батькѣ. Онъ принялъ сначала всѣхъ выборныхъ отъ станицъ; но потомъ предложилъ имъ назначить отъ себя лишь небольшое число депутатовъ для совѣщаній. Совѣщанія эти послѣдовали на другое утро, при чемъ черноморцы, опираясь на принесенную ими къ церкви, на особой подушкѣ, грамоту Екатерины II о неизмѣняемости предѣловъ войсковой территоріи, развили подробно свои претензіи. Ораторъ ихъ, полковникъ Р—ль, напомнилъ о трудной службѣ и подвигахъ Черноморскаго войска и перечислилъ несправедливости, оказанныя казакамъ. «У насъ, — говорилъ онъ, — отнято дорогое намъ имя Черноморцевъ, мы не имѣемъ права сами выбирать атамана, насъ гонять съ земли, которая утверждена за нами грамотами», и проч. При этомъ онъ плакалъ.

Сущность депутатскихъ заявленій состояла въ слѣдующемъ: «Права наши — по грамотамъ, ко всѣмъ казачьимъ войскамъ непримѣнимы» (т. е. основаны на грамотахъ, которыхъ другіе казаки не имѣютъ, причемъ особенно разумѣлись войска линейное и Донское, дававшія и въ прѣжнее время переселенцевъ).

«Права нашихъ дворянъ равны во всемъ съ прочими имперіи» (слѣдовательно, мы имѣемъ право о нашихъ нуждахъ прямо писать Государю).

«Недвижимая собственность наша признана закономъ и передача ея между нами совершается крѣпостнымъ порядкомъ, а не насиліемъ».

«Осѣдлоз процвѣтаніе нашего края такое, какого въ другихъ казачьихъ войскахъ нѣтъ» (Это уже самовосхваленіе, не совѣтъ правильное).

«Прибавки земли выше положенія — мы не просимъ».

«Къ улучшенію нашего быта — сами достигаемъ».

«Казакъ и дворяне наши довольны и счастливы на своей землѣ».

«Мы всѣ, способные, пойдемъ служить на всѣ отдаленныя границы, на защиту отечества; готовы охранять всякое новое заселеніе на всякой новой землѣ; но просимъ сохранить наши права неприкосновенными — всецѣло».

«Въ случаѣ какаго-либо по всѣмъ этимъ предметамъ, со стороны ближайшаго начальства, затрудненія, просимъ, во имя закона, дозволить намъ самимъ просить о себѣ Государя Императора».

«Пока рѣшится вопросъ — просимъ приостановить переселеніе».

«Охотникамъ же просимъ переселеніе допустить».

Вслѣдъ за этимъ была подана графу Евдокимову черноморскими дворянами слѣдующая записка:

«Вслѣдствіе личнаго совѣщанія вашего сіятельства съ довѣренными отъ сословія Черноморскаго—что нынѣ Кубанское—казачьяго войска, дворяне и казаки этого войска, сочувствуя правительственнымъ видамъ заселенія Закубанскаго края, изъявляютъ свою готовность на присоединеніе къ войсковой землѣ Закубанскихъ земель на нижеслѣдующемъ» (основаніи).

«1. Обозначить границы Закубанской земли, предполагаемой къ заселенію Черноморцами, собственно противъ границъ бывшаго Черноморскаго войска, и утвердить оную за войскомъ Черноморскимъ Высочайшею грамотою, на такихъ началахъ, какъ нынѣ владѣтъ это войско пожалованною ему землею съ 1792 года».

«2. Очистить предварительно эту землю военною силою отъ непріятеля и занять пограничною кордонною линіею, а затѣмъ уже заселеніе ея предоставить сословію войска Черноморскаго, по желанію, охотниками, исподволь, безъ всякихъ принужденій, каковы суть назначеніе и жребій, которые во всякомъ случаѣ разорительны и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ ропоть въ народѣ».

«3. Поселеніе начать съ Анапы тогда, когда земля эта будетъ представлена во владѣніе Черноморскому войску, на условіяхъ вышензложенныхъ».

«4. Владѣемую Черноморскимъ — что нынѣ Кубанское—казачьимъ войскомъ землю изъять отъ предполагаемаго водворенія на ней собственниковъ-землевладѣльцевъ изъ людей, войсковому сословію не принадлежащихъ, и отъ продажи оной въ собственность иногороднимъ лицамъ, какъ неотъемлемую собственность общества Черноморскихъ казаковъ, пожалованную имъ Высочайшею грамотою въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Екатерины II, подтвержденной блаженной памяти Императорами Павломъ I и Александромъ I въ особыхъ грамотахъ, а Николаемъ I въ положеніи, дарованномъ войску Черноморскому 1-го іюля 1842 года, и нынѣ царствующимъ Императоромъ Александромъ II—введеніемъ того права войскаго общества въ сводъ законовъ гражданскихъ, послѣдняго изданія 1857 года».

«5. Предполенную, въ числѣ распоряженій о переселеніи казаковъ въ Закубанскія земли, оцѣнку и продажу казачьихъ усадебъ, состоящихъ на войсковой землѣ, а также разведенныхъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ и всѣхъ угодій—отмѣнить, вслѣдствіе вышензложенныхъ правъ и такъ какъ оныя указомъ правительствующаго сената, даннымъ войсковому правленію Черноморскаго казачьяго войска отъ 11-го сентября 1860 года, признаны недвижимою собственностью владѣльцевъ, и акты на переходъ этихъ заведеній, отъ одного владѣльца къ другому, должны быть совершаемы крѣпостнымъ порядкомъ, на общемъ законномъ основаніи».

«6. Отдѣлить шесть бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго

войска отъ войска Черноморскаго и возвратитъ черноморцамъ заслуженное предками, дорогое намъ наименованіе Черноморскаго войска, какъ потому, что на имя онаго существуютъ всё грамоты и регалии, такъ и потому, что на водахъ Чернаго моря войско стяжало свою первоначальную славу и имя и къ берегу этого моря приселено. (А преимущественно по той важнѣйшей причинѣ, что въ присоединенныхъ къ намъ шести бригадахъ господствуютъ разныя секты вѣры, а мы всё православнаго исповѣданія).

«7. Не выселять принужденно казаковъ Черноморскаго войска на инныя земли, такъ какъ ни въ грамотахъ, ни въ послѣдующихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, это не установлено для Черноморскаго казачьяго войска; а на владѣемую нынѣ этимъ войскомъ землю переселеніе, въ дозволенныхъ случаяхъ, многороднымъ допускать не иначе, какъ съ согласія станичныхъ обществъ, къ коимъ желающіе будутъ проситься для присоединенія къ прежде зашедшимъ сюда по распоряженію правительства и причисленнымъ здѣсь ихъ семействамъ и родственникамъ».

«8. На сихъ уваженіяхъ и выраженныхъ прежде просьбахъ и отзывкахъ станичныхъ обществъ Старо-Шербиновской, Копеловской и Шкуринской станицъ и дворянъ Війскаго округа, представленныхъ бывшему начальнику штаба, генералъ-маіору Кусакову, и въ милостивомъ вниманіи къ прежнимъ заслугамъ Черноморскихъ казаковъ, а также къ настоящимъ его службамъ и тягостнымъ повинностямъ, отбываемымъ не по скѣтнымъ исчисленіямъ, а по обстоятельствамъ военнаго и тревожнаго положенія вѣра, предположеніе о выселеніи изъ этого войска въ текущемъ 1861 году 770-ти семействъ на Закубанскую передовую линію отложить до Высочайшаго утвержденія за войскомъ Черноморскимъ смежныхъ съ онымъ Закубанскихъ земель, объявленныхъ выше въ первыхъ трехъ пунктахъ, и до совершенной очистки оныхъ земель отъ непріятели.—Екатеринодарь, 2-го мая 1861».

(Подписали К—скій, К—ко, З—ко, Д—ко, Р—ль, Ш—ко и проч., всего 93 лица, изъ которыхъ, кажется, восемь были за это арестованы и отправлены изъ Екатеринодара въ ставропольскій острогъ, гдѣ и просидѣли до объявленія Всемилостивѣйшаго прощенія всѣмъ участникамъ волненія, которое, впрочемъ, нигдѣ не перешло въ беспорядокъ или неповиновеніе, тѣмъ больше, что и переселеніе 770-ти семействъ было отложено).

VI.

О внутреннемъ состояніи Черноморья въ 1861 г.

Приведенная сейчасъ записка упрямыхъ и нѣсколько отсталыхъ потопковъ запорожцевъ вызвала критическую записку же одного изъ членовъ военной бюрократіи въ Ставрополѣ, полковника З—го, который, впрочемъ, представилъ ее отъ имени «одного штабъ-офицера бывшаго Черноморскаго войска». Въ этой послѣдней запискѣ мы находимъ слѣдующее:

«Надобно сказать, что подписавшіеся 93 горячіе партизана правъ казачества (какъ они воображаютъ) суть исключительно владѣльцы хуторовъ, стадъ и водяныхъ мельницъ. Они по большей части имѣютъ по два, но три хутора, перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству и благопріобрѣтенныхъ, число которыхъ готовы умножать на счетъ низшаго класса народа ¹⁾. На хуторахъ своихъ они имѣютъ отъ 1,000 до 2,000 головъ рогатаго скота, не менѣе лошадей, и тысячъ по десяти овецъ. Почти всѣ участвовавшіе въ депутаціи чиновники имѣютъ водяныя мельницы, а иные и по двѣ. Предки ихъ, а нѣкоторые изъ нихъ и сами, заняли подъ хутора и мельницы лучшія мѣстности въ краѣ, съ баснословными пространствами земли и воды и, не останавливаясь на этомъ, готовы умножать свои хутора и поземельныя владѣнія, по мѣрѣ умноженія скотоводства, въ ущербъ казакамъ.

«Что терпятъ отъ этого права сильнаго вообще казаки и даже бѣдные дворяне, не имѣющіе хуторовъ,—считаю излишнимъ объяснять. Достаточно сказать, что казакъ, возвратившійся изъ службы, не находитъ мѣста, гдѣ бы могъ вспахать свою бѣдную ниву и затрудняется прокормить служиваго своего коня. Только изъ милости, снисходя на слезную просьбу казака, панъ позволяетъ вспахать ниву на своей землѣ или наноситъ нѣсколько копень сѣна, и то не всякій. Чаше-же казакъ-общинникъ зарабатываетъ себѣ у пана, какъ наемщикъ, кусокъ земли на одинъ разъ, хотя на владѣніе имъ имѣетъ равное право. Сколько жалобъ, споровъ, ссоръ и дракъ происходитъ изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, и всѣ они оканчиваются тѣмъ, что бѣднякъ, какъ не имѣлъ ничего, такъ и остается ни съ чѣмъ..... Обыкновенно хуторскій панъ съ открытіемъ весны уже на конѣ и съ оружіемъ въ рукахъ: налетаетъ, гонитъ и бьетъ все, что только приблизится къ владѣніямъ его. Подстрѣлить, изувѣчить или загнать въ болото

¹⁾ Фактъ совершенно вѣрный и ярко обнаружившійся въ 1873 году, когда, при отводѣ хуторянамъ-офицерамъ ихъ земель въ собственность, оказалось, что затѣмъ казакамъ-станичникамъ остается очень немного земли для общаго пользованія. Это обстоятельство, какъ извѣстно, и повело за собою возненія казачковъ въ станицѣ Полтавской.

нѣсколько головъ скота, лошадей или барановъ—дѣло самое обыкновенное. Самые снисходительные паны, понижшіе, конечно, по своему буквъ закона о потравахъ, загоняютъ въ базы (загороди) захваченный чужой скотъ и держать его взаперти, пока онъ не околѣетъ отъ голода и жажды. А пани-хуторянки, не владѣющія оружіемъ и слабыя по природѣ, поступаютъ иначе: онѣ приказываютъ совершать, а иногда и собственноручно совершаютъ операціи въ родѣ отрѣзыванія сосковъ у коровъ или распарыванія брюха, въ примѣръ и страхъ другимъ скотамъ и ихъ хозяевамъ».

Изобразивъ такимъ образомъ слабыя стороны черноморскаго дворянства, которому приписываетъ и непокорность, обнаруженную войскомъ въ дѣлѣ переселенія, авторъ предлагаетъ многія мѣры къ возстановленію правъ, нарушенныхъ дворянскимъ произволомъ, а главное—къ успѣшному достиженію колонизаціи Закубанья. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«1. Предписать межевой комисіи, впредь до окончательнаго размежеванія земли, нынѣ же отвести пожизненные участки генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ,—собственно имѣющимъ хутора,—въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніемъ 1-го іюля 1842 года»¹⁾.

«2. Участки эти отвести при одномъ изъ хуторовъ, по выбору самихъ владѣльцевъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избранный хуторъ находился не ближе 4-хъ верстъ отъ ближайшей станицы (чтобы, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, освободить послѣднія отъ блокаднаго положенія, въ которомъ держать ихъ хутора). Затѣмъ поставить правиломъ, чтобы никто не имѣлъ болѣе одного хутора».....

«6. Можно бы пожелать, чтобы станичное право на землю было вполне ограждено; но тогда казакамъ будетъ слишкомъ хорошо, чтобы они могли пожелать переселенія за Кубань; а потому станицы слѣдуетъ оставить при той пропорціи земли, какою онѣ нынѣ пользуются, а освобожденные отъ хуторовъ земли предоставить нанимать желающимъ, въ томъ числѣ и иногороднымъ... Нанимать свою землю (какъ думаютъ черноморцы) и платить хотя бы самую ничтожную сумму—покажется очень тяжкимъ для черноморскихъ пановъ, особенно на первое время, съ непривычки. Казакамъ тоже будетъ очень просторно... и потому не надобно быть слишкомъ дальновиднымъ, чтобы предсказать, что къ слѣдующей веснѣ явится много охотниковъ селиться за Кубань».

«7. Такъ какъ черноморцы боятся за спокойствіе семействъ своихъ за Кубанью и находятъ, что надобно очистить землю отъ горцевъ силою, то

¹⁾ Такимъ образомъ авторъ, какъ новый Лициній или Гракхъ, рѣшаетъ однимъ предписаніемъ вопросъ, у всѣхъ народовъ представлявшійся самымъ труднымъ къ рѣшенію. Конечно, на дѣлѣ онъ не рѣшитъ и новыя (1875).

ничто не мѣшаетъ начальству, ради общей цѣли скорѣйшаго прекращенія войны на Кавказѣ и собственно въ интересахъ казаковъ, увеличивающихъ территорію новыми приобрѣтеніями за Кубанью,—призвать къ оружію все Черноморское войско... И это очень возможно исполнить безъ разстройства (?) домашняго быта казаковъ, слѣдующимъ образомъ: всѣ полки, баталіоны и батареи призывать на службу въ дѣйствующіе отряды во второй половинѣ октября и распускать въ мартѣ. Казаку дорого время съ начала весны и до осени, а прочее неважно, и отсутствіе казаковъ изъ станицъ зимою не можетъ раззорить ихъ.... (А между тѣмъ будетъ чувствительнымъ наказаніемъ).

VII.

По представленіи этой записки въ Тифлисъ, послѣдовалъ, на имя графа Евдокимова, слѣдующій отвѣтъ генерала Барцова, начальника главнаго штаба Кавказской арміи:

«Милостивый государь, графъ Николай Ивановичъ. Бязъ Григорій Дмитриевичъ¹⁾, прочитавъ препровожденную вашимъ сіятельствомъ записку, составленную въ отвѣтъ на протестъ дворянъ Черноморскаго войска, поручилъ мнѣ покорнѣйше просить вашего увѣдомленія: не признаете ли въ полезнымъ нынѣ же обратиться труды межевой комисіи Кубанскаго войска на отмежеваніе дворянамъ бывшаго Черноморскаго войска, согласно основаніямъ, изложеннымъ въ запискѣ, поземельныхъ участковъ, въ количествѣ, определенномъ войсковымъ положеніемъ, съ тѣмъ, чтобы отнятіемъ у дворянъ незаконно захваченныхъ ими пространствъ оградить права станичныхъ обществъ на войсковую землю».

Какой отвѣтъ послѣдовалъ на это письмо—я не знаю, но думаю, что со стороны такого умнаго и практическаго человѣка, какъ графъ Евдокимовъ, занятаго въ то время тяжелою борьбою съ внѣшнимъ врагомъ, не могло быть иного отвѣта, какъ отрицательный.

Спб. 1875 годъ.

М. И. Венюковъ.

¹⁾ Орбельяни, временно командовавшій на Кавказѣ послѣ отъѣзда отсюда, весною 1861 года, князя Барятинскаго, до весны 1863 года. М. В.